

Цзян Чжао почувствовал, как кончики пальцев, сжимавшие стеклянный стакан, мелко задрожали. Кто это? Неужели главный герой-семе? Его ладони мгновенно покрылись тонким слоем пота, из-за чего стекло стало скользким, и дрожащие пальцы едва могли удержать предмет. Нет, нельзя уронить. Нужно держать крепко! Как бы Цзян Чжао ни молил про себя, стакан медленно выскользывал, пока окончательно не выпал из рук и не приземлился на легкое пуховое одеяло. Сквозь толщу ткани он даже почувствовал, как стакан ударился о бедро. Тупая боль. И этот тихий, глухой звук удара о пух.

В голове у Цзян Чжао стало пусто, кровь в жилах, казалось, застыла в одно мгновение. В сознании пульсировала лишь одна мысль: нашли, нашли, нашли... Его обнаружил кровожадный призрак. Что теперь будет? Его съедят? Повторится ли финал пушечного мяса из первоисточника: погибнуть от рук главного героя-семе, а затем позволить окружающим духам, ждущим своего часа, дочи́ста поглотить его душу? Он помнил описание, данное в конце книги:

— Мучительная боль, пронизывающая до самых костей, поглотила его. Его истерзанная плоть рассыпалась в прах, развеянный ветром, а израненная душа в тот же день развеялась без следа, и с тех пор... ему не было пути к перерождению.

Он что, действительно... никогда не переродится? Руки Цзян Чжао застыли, все тело одеревенело. Пуховое одеяло не впитывало влагу, и он чувствовал, как пролитая вода, следуя изгибам его тела, медленно стекает вниз, отделенная лишь тонким слоем ткани. Словно кровь, сочащаяся из него самого.

— Чжао-Чжао?

Внезапный свет разогнал густую, давящую тьму. Перед глазами Цзян Чжао на мгновение поплыло, и лишь спустя пару секунд очертания предметов вернулись на свои места. Он повернул голову. Движения были скованными, словно у заржавевшего механизма, давно забытого всеми.

Линь Юйюнь стоял у кровати, протянув руку к маленькой настольной лампе. Теплый желтый свет, подобно ленте, вытянул его из жуткого, леденящего ада обратно в мир, где еще теплилось хоть немного жизни.

— Линь... гэ? — голос с трудом вырвался из горла.

Линь Юйюнь мягко ответил:

— Это я.

Его взгляд упал на одеяло, и он слегка нахмурился:

— Вода разлилась по кровати, почему ты не убрал?

Цзян Чжао поднял голову, вперив в него прямой взгляд. Лишь спустя долгое время, убедившись, кто перед ним, он выдохнул воздух, который застрял в груди и едва не задушил его. Его худая грудь тяжело вздымалась, словно у рыбы, выброшенной на берег и умирающей от нехватки воды. Из-за учащенного дыхания воротник его пижамы сместился, обнажая изящную линию ключиц. Эта полоска кожи, белее снега, невольно приковывала к себе взгляд.

Линь Юйюнь замер на несколько секунд, после чего участливо спросил:

— Чжао-Чжао, что с тобой? Вставай, одеяло намокло. Где у тебя запасные постельные принадлежности? Я схожу принесу новые.

Он осторожно похлопал Цзян Чжао по спине. Это был жест утешения, и по идее, рука должна была продолжать мягко гладить, но, коснувшись его, Линь Юйюнь не отстранился. Напротив, вопреки обыкновению, он притянул Цзян Чжао к себе, и в его голосе послышалось сочувствие:

— Чжао-Чжао, тебе снова приснился кошмар?

Цзян Чжао глубоко дышал в его объятиях, пока не пришел в себя, а затем слегка отстранился и, подняв ясные глаза, посмотрел на Линь Юйюня. В тот же миг две дорожки слез скатились по его щекам.

Линь Юйюнь замер, его движения стали непривычно неуклюжими. Он нерешительно прошептал:

— Чжао-Чжао?

Цзян Чжао заплакал еще сильнее. Он плакал беззвучно, лишь жемчужные капли слез непрерывно стекали из уголков глаз, смачивая лицо, изящное, словно у фарфоровой куклы из витрины. В его тихих всхлипах сквозила такая обида и горе, что никто не смог бы удержаться от желания обнять и утешить юношу.

Линь Юйюнь поддался порыву, словно в забытьи обняв того, кто почти задохнулся от рыданий.

— Не плачь, Чжао-Чжао, не надо... Все, что было во сне — неправда. Посмотри, я сейчас рядом с тобой. Все, что тебе привиделось, — лишь морок.

Чем больше он его успокаивал, тем сильнее плакал Цзян Чжао, доходя до того, что едва мог вдохнуть. Линь Юйюнь, не зная, что делать, застыл, суетливо пытаясь вытереть его слезы, но рука, протянутая к лицу, дрогнула — он не решался коснуться этой безупречной кожи, словно боясь оставить на ней хоть какой-то след.

Цзян Чжао был до глубины души обижен. До того как попасть в этот мир, он всегда был окружен заботой. Хотя Система временно заблокировала его воспоминания о реальной жизни,

чтобы он не отвлекался от выполнения заданий, тело и разум привыкли к тому, что его лелеют. Он смутно помнил, что раньше никогда не знал боли, а семья оберегала его настолько, что он вырос пугливым, избалованным и плаксивым.

<http://bllate.org/book/18611/1791921>